

Сб. "Радкичев"
Выд. № 24

В. Бибиковскому УРМ

от автора

8. II. 51

П. Н. БЕРКОВ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ А. Н. РАДИЩЕВА

1. Кому подарил Радищев экземпляры „Путешествия“

17 июля 1790 г., отвечая на «вопросные пункты», Радищев по четвертому пункту («Сколько напечатано вами оных экземпляров и из того выпущено в свет и кому имянно сами вы раздавали?») показал: «Напечатано ея было оной книги около 650 экземпляров, не [но?] много более или меньше, того утвердительно сказать не упомяну. Из того числа продано на деньги, променено на книги купцу Зотову 25 экземпляров, да роздано мною: 2 экземпляра г. Козодавлеву (для него и для Державина), 1 прапорщику Дарагану; 1 ротмистру Олсуфьеву, 1 иностранцу Вицману, один хотел дать надзирателю Царевскому, но дал ли или нет, того не упомяну; один назначил в отсылку в Берлин к г. Кутузову, который запечатанный отдан мною г. Вальцу, но не отослан...».¹ Аналогичные данные сообщил Радищев и в другой раз.²

Показания Радищева о лицах, которым он роздал экземпляры своей книги, заинтересовали следователей, и, повидимому, Радищеву был дан дополнительный вопрос об этих лицах. По крайней мере, в опубликованных материалах по следственному делу Радищева находится «Заметка о лицах, частных к делу», писанная, надо полагать, Радищевым:

«Значущиеся чины: Осип Козодавлев, колл. сов. и ордена св. Владимира 4 ст[епени] кавалер, находится при народных училищах. Гаврило Державин, статский действительный советник, находится здесь в С.-Петербурге. Прапорщик Дараган находится при таможне, в числе определенных для познания дел. Сергей Олсуфьев — ротмистр Конной гвардии. Вицман, имени не знаю, живет в Измайловском полку, при школе. Александр Царевский надзиратель при таможне у разъезда

¹ Сочинения А. Н. Радищева. Изд. Акинфиева, СПб., 1907, ч. II, стр. 341.

² Там же, стр. 310; Избранные сочинения, под ред. Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1949, стр. 673.

на судах. Алексей Кутузов отставной премьер-майор. Г. Вальц находится при г. вице-канцлере».¹

Свидетельство Радищева, дважды повторенное, повидимому, не вполне соответствовало действительности. На самом деле Радищев, конечно, роздал большее количество экземпляров своей книги. Вполне резонно указал в свое время проф. Д. Н. Анучин, что Радищев не мог не подарить экземпляры книги гр. А. Р. Воронцову,² а также кн. Е. Р. Дашковой. Нет сомнения, что он дал книгу и таким участникам «Общества друзей словесных наук», как П. А. Чичагов, К. А. Лубянович и некоторые другие. Конечно, Радищев намеренно назвал всего только шесть-семь человек; благонадежность О. П. Козодавлева, Г. Р. Державина и ротмистра С. А. Олсуфьева была настолько очевидна, что им даже не учинили допроса. В отношении же Дарагана, Царевского и нескольких служителей таможни и слуг Радищева уголовная палата, через посредство управы благочиния, произвела расследование с целью установления, являлись ли данные лица сообщниками Радищева. Показания этих лиц «не дали никакого материала для обвинения в сообщничестве».³

Вероятно, именно это обстоятельство и было причиной того, что исследователи Радищева совершенно не обращали внимания на лиц, которым Радищев дал экземпляры «Путешествия».

Подобное отношение к этому вопросу представляется мне неправильным. Даже признавая заранее, что названы были Радищевым не все те лица, которым он подарил «Путешествие», и названы были лица, наименее, так сказать, опасные, мы все же должны установить, кто же были люди, которых он перечислил в своих показаниях.

Некоторые из них достаточно известны в истории литературы, как Г. Р. Державин и О. П. Козодавлев, другие же совершенно не привлекали к себе внимания, и поэтому вопрос о причинах поднесения им Радищевым книги оставался неясным.

Проще всего обстоит дело с Осипом Петровичем Козодавлевым (1754—1819), бывшим в 1769—1771 годах товарищем А. Н. Радищева по лейпцигскому университету. С ним Радищев и по возвращении в Петербург поддерживал отношения; ни о какой идейной близости Радищева с Козодавлевым не могло быть и речи: Козодавлев в 1770-е, 1780-е годы был

¹ Соч., изд. Акинфиева, т. II, стр. 342.

² Д. Н. Анучин. Судьба первого издания «Путешествия» Радищева. М., 1918, стр. 21.

³ Соч., изд. Акинфиева, т. II, стр. 343.

третьестепенным писателем, переводчиком Гете на русский язык, автором посредственных полупереводных комедий, сотрудником екатерининского «Собеседника любителей русского слова». Все же, в 1780-е годы Козодавлев еще был связан служебными отношениями с президентом Академии Наук кн. Е. Р. Дашковой, находившейся в своеобразной оппозиции Екатерине II, и, возможно, и сам был настроен несколько оппозиционно. Впоследствии, при Александре I, Козодавлев был министром внутренних дел и временно министром народного просвещения.

Для ясного представления, каковы были отношения Радищева к Козодавлеву, ценны свидетельства П. А. Радищева, несомненно, основанные на рассказах отца: «С ним [Козодавлевым] — пишет П. А. Радищев, — Радищев не был в короткой связи, и Козодавлев считался у товарищей бездарным и даже без основательных познаний. Товарищи его уверяли, что все сведения Козодавлева ограничивались изучением каталогов. О нем поэт Хвостов (не граф) написал: «О. К. (Он — како), друг Крамзы (т. е. Державина, мурзы), но только друг нахальный,

Кем изуродован, как бабкой повивальной.
Малерб российских стран, пресладостный певец».¹

Взяв на себя необходимые поправки, он вздумал исправлять ошибки против языка и грамматики, встречающиеся у Ломоносова, но, не имея вкуса, часто искажал автора».²

Передавая свою книгу О. П. Козодавлеву, Радищев едва ли преследовал цели пропагандистские; вероятнее всего, сделано было это в память старых школьных лет.

Свой экземпляр О. П. Козодавлев по требованию петербургского губернатора возвратил в Тайную канцелярию.³

Возвратил свой экземпляр и Державин. Почему Радищев передал экземпляр «Путешествия» Державину, неясно. Об отношениях Радищева и Державина в более ранние годы неизвестно ничего. К поэзии Державина Радищев относился неблагоприятно. Об этом данные сохранились в воспоминаниях П. А. Радищева: «Он [Радищев] однажды написал для них [своих детей] рецензию на оду Державина «На взятие Измаила». Он не любил Державина и находил, что в сго-

¹ Имеется в виду первое академическое издание сочинений Ломоносова, выпущенное Академией Наук в 1784—1786 гг. Эпиграмма А. С. Хвостова (1753—1820) в полном виде неизвестна.

² П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский Вестник», 1858, декабрь, кн. I, стр. 401. — В. П. Семенов. Радищев. Пгр., 1923, стр. 217—218 и 220.

³ В. Е. Якушкин. Суд над русским писателем в XVIII веке. «Русская старина», 1882, № 9, стр. 521, 523.

поэзии (кроме «Фелицы» и оды «Бог») есть часто бессмыслица. Вот одно замечание:

В полях ли брань, ты [русский] тьмишь свод звездный,
В морях ли брань, ты пенишь бездны.

Но, говорит рецензент, и всякий трус, убегая с сражения, вспенит бездну лучше Турвилля, Жан-Барта или Рюйтера. Слово :ром встречается в каждой строфе». ¹

Хотя эти сведения относятся к более позднему времени, к илимскому периоду жизни Радищева, но едва ли Радищев в это время составил свое мнение о Державине. Литературные взгляды Радищева были достаточно отчетливо сформулированы им в других его произведениях, и ясно, что Державин, льстивший Екатерине, осуждался Радищевым не менее Ломоносова, которого Радищев упрекает в «Путешествии» за льстивые оды Елизавете «недостойной ниже гудочного бряцания».

Поэтому можно предположить, что Радищев дал Козодавлеву два экземпляра не по собственному желанию, а удовлетворяя просьбу своего бывшего университетского коллеги, выпросившего второй экземпляр для своего приятеля — «Крамзы» — Державина.

Тот факт, что Державин возвратил посланный ему экземпляр «Путешествия» в Тайную канцелярию, вполне реабилитирует его от обвинения в передаче книги Екатерине. Обвинение это высказано было еще П. А. Радищевым, но уже В. Е. Якушкин, а затем В. П. Семенников убедительно опровергли этот рассказ. ²

Третий экземпляр дал Радищев также своему товарищу по лейпцигскому университету, ротмистру Конногвардейского полка Сергею Адамовичу Олсуфьеву (1755—1818); последний одновременно с Козодавлевым прибыл в Лейпциг в 1769 г. четырнадцатилетним подростком, и по возвращении в Петербург Радищев поддерживал с ним отношения. «У него были еще [раньше говорилось об А. М. Кутузове] товарищи — сообщал П. А. Радищев о лейпцигском периоде жизни отца: — Олсуфьев (Сергей Адамович), сын сенатора, писателя, игравшего известную роль при Екатерине, — также человек умный, но не литератор». ³ Конечно, давая такую характеристику

¹ Н. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева, М., 1912, стр. 11.

² В. Е. Якушкин. Суд над русским писателем в XVIII веке. «Русская старина», 1882, № 9, стр. 466; — В. П. Семенников. Радищев, М.—П., 1923, стр. 226 (текст П. А. Радищева) и прим. 2 на стр. 226—227.

³ В. П. Семенников, ук. соч., стр. 217 и 220. — Н. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева, стр. 5.

С. А. Олсуфьеву, П. А. Радищев имел в виду не четырнадцатилетнего ребенка, а более позднего Олсуфьева, и давал эту характеристику на основании рассказов отца.

Четвертый экземпляр был дан Радищевым прапорщику Дорагану, который «находился при таможене, в числе определенных для познания дел». Из показания И. Вальца видно, что при таможене были «ученики», т. е. лица, проходившие практику таможенного контроля; таким учеником, «служившим при таможене», по словам И. Вальца, был его шурин, капитан Девилленев.¹ Повидимому, «для познания дел» был прикомандирован к таможене и прапорщик Дораган или, правильнее, Дараган. Об этом лице удалось собрать следующие данные.

Козьма Иванович Дараган родился между 1767 и 1770 г.; в 1781 г. был пожалован из фурьеров в прапорщики; с 1789 г. по 1792 г. он находился при портовой таможене в Петербурге. В начале XIX в. он уже состоял на гражданской службе и с 1813 по 1825 г. числился надворным советником. В 1813 г. он получил орден Владимира 4 степени. Умер К. И. Дараган в 1825 г. В молодые годы, как раз около времени службы под начальством Радищева, К. И. Дараган занимался литературной деятельностью; ему принадлежат переводы с немецкого² и «Стансы на смерть графини М. А. Румянцевой» (СПб., 1788). В 1790 г., за несколько дней до ареста Радищева, была напечатана «Ода ее императорскому величеству императрице Екатерине II на высокаторжественный день восшествия ее на престол июня 28 дня 1790 г., которую приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от Козьмы Дарагана».³

В 1790 г., когда Радищев подарил Дарагану «Путешествие», прапорщику было самое большое 23 года, а, может быть, и меньше. Возможно, что этому молодому писателю, автору верноподданнейших од, Радищев книгу свою дал с пропагандистской целью, желая раскрыть глаза панегиристу Екатерины. Хотя Дараган и не был привлечен к делу как сообщник Радищева, обращает внимание тот факт, что в делопроизводстве, насколько можно судить по печатным данным, не сохранилось сведений о том, что он возвратил свой экземпляр «Путешествия».

¹ Сочинения А. Н. Радищева. Изд. Акинфиева, т. II, стр. 332.

² «Рассуждение о яре-медянке», соч. Серани. СПб., 1788; «Несчастный любовник, или приключения Вильгельма фон М., дворянина из Нижней Саксонии». СПб., 1791.

³ Г. Н. Геннадиев. Справочный словарь о русских писателях и ученых. Берлин, 1876, т. I, стр. 280. — Биографические данные о Дарагане см.: В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. I, стр. 393.

Последнее лицо, которое названо было Радищевым как получившее в дар «Путешествие», был иностранец Вицман. Об этом лице можно сообщить следующее.

Август Вицман был известен Радищеву еще с лейпцигских времен. Он был одним из преподавателей, находившихся при русских студентах в Лейпциге, и поддерживал их против притеснявшего юношей майора Е. Ф. Бокума. Бокум, свидетельствам которого из-за его недобросовестности доверять нельзя, считал, что студенты восставали против него «по наущениям бессовестных людей, а особливо, как сами молодые господа сказывают, одного учителя именем Вицмана, который, избегая справедливого наказания за прочие худые поступки свои, из Лейпцига скрылся, следовательно и доказал чрез то невинность молодых господ».¹ Иначе освещает исчезновение Августа Вицмана из Лейпцига Радищев. В «Житии Федора Васильевича Ушакова» он, говоря о притеснениях, испытывавшихся студентами, вспоминал: «На почту относимы письма наши были одним из наших учителей, который из единого человеколюбия жертвовал всем своим тогдашним щастием и отправился в Россию для нашего защищения, взяв от нас на дорогу одни карманные часы, в чем состояло все тогдашнее наше богатство; но в предприятии своем не успел, как то я сказал уже прежде».² Далее Радищев пишет: «Великодушный муж! никто из нас не мог тебе за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда в сердцах наших».³

Все это происходило в июле 1767 г., и, вероятно, с этого времени Вицман жил в России.

Впрочем, возможно, что он после неудачи своей поездки для защиты интересов лейпцигских студентов покинул Петербург и возвратился туда в середине 1770-х годов. П. Н. Столпянский, посвятивший Августу Вицману специальную большую статью,⁴ в которой совершенно не касается отношений Вицмана к Радищеву и к русским студентам в Лейпциге, высказал предположение о том, что Вицман прибыл в Россию около 1776 г., так как первое объявление о его школе по-

¹ Сборник Русского исторического общества, т. X, стр. 114.

² А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, т. I, 1938, стр. 174; на стр. 173 Радищев писал: «Когда... нашелся человек, нас довольно любящий, из сожаления единственно и на своем иждивении отправившийся в Россию для извещения, кого должно, о происшедшем с нами, то о всем было от Министра [посла] нашего по представлениям Бокума предварено и жалобе нашей не внято».

³ Там же, стр. 174.

⁴ П. Н. Столпянский. Старый Петербург. Август Вицман — один из бывших петербургских педагогов. «Известия ОРЯС», 1915, кн. 3, стр. 233—291.

является в «Санкт-Петербургских ведомостях» в начале мая 1776 г. (№ 36 от 3 мая). Не указывая источника, П. Н. Столпянский сообщает, что А. Вицман окончил курс учения в одном из заграничных университетов, где и получил степень кандидата.¹ Очевидно, в каком-нибудь из своих многочисленных объявлений в «Санкт-Петербургских ведомостях» Вицман назвал или вообще называл себя кандидатом. В средневековых немецких университетах (вплоть до XIX в. включительно) кандидатом называлось лицо, окончившее полный университетский курс, но не защитившее диссертации на степень доктора.

Умер Август Вицман, по предположению П. Н. Столпянского, после 1806—1807 г., «так как с этого времени исчезают со столбцов Санкт-Петербургских ведомостей [его] многочисленные объявления».²

Г. Н. Геннади дал подробную сводку изданий А. Вицмана, начиная с еженедельной газеты «Sankt-Petersburgisches Wochenblatt zur Aufnahme der Oekonomie und zur Ausbreitung an derer gemeinnütziger Kenntnisse», выходящей в 1778 г. (№№ 1—25);³ к сожалению, Геннади неточно называет Вицмана — у него этот автор обозначен, как Август Вихман. Вслед за Геннади сведения о Вицмане-Вихмане перешли и в «Источники для словаря русских писателей и ученых» (т. I, стр. 593) и в «Предварительный список» С. А. Венгерова (стр. 135). Мы не можем в данной заметке подробно останавливаться на рассмотрении всей литературной продукции Августа Вицмана и даже его биографии, тем более, что основное было собрано в упомянутой выше статье П. Н. Столпянского,⁴ посвятившего педагогической деятельности Вицмана часть другой своей работы — «Частные школы и пансионы Петербурга во второй половине XVIII века» (Журнал министерства народного просвещения, 1912, № 3).

Отметим только существеннейшее. «Первым опытом А. Вицмана [в Петербурге], — пишет П. Н. Столпянский, — было намерение открыть в 1778 г. особое училище для крепостных молодых ребят».⁵ Намерение это не имело реальных последствий, так как господ, которые бы пожелали отдать «крепостных молодых ребят» в учение немцу, не оказалось, а сами крепостные, конечно, не могли и по юридическим и по мате-

¹ Там же, стр. 234.

² Там же.

³ Г. Н. Геннади. Справочный словарь о русских писателях. Берлин, 1876, т. I, стр. 160—161.

⁴ П. Н. Столпянский не обратил внимания на то, что ряд изданий А. Вицмана 1799—1800 гг. представляет перепечатку статей, помещенных в еженедельнике, упоминавшемся выше.

⁵ П. Н. Столпянский, ук. соч., «Известия ОРЯС», 1915, кн. 3, стр. 244.

риальным причинам посещать школу Вицмана. Но характерно, что и в своем журнале, который, кстати сказать, издавался одновременно и на русском языке,¹ и позднее в своей издательской деятельности А. Вицман все время обращался к вопросу о крепостных крестьянах и трудящихся вообще.²

Если верно предположение П. Н. Столпянского, что перу А. Вицмана принадлежит «Погребение собачки. Послание к одному другу из Праги в Вену» (СПб., 1805), то тогда идейный облик этого иностранца приобретает еще больший интерес, и делается понятным, почему Радищев нашел нужным подарить этому чудаковатому немцу свою книгу.

В «Погребении собачки» идет речь о реальном погребении комнатной собачки какого-то очень влиятельного лица; подробно описывается церемония погребения, затраты на нее, приводится эпитафия на мраморном надгробии и т. д. Все это событие относится к 1771 г., причем действие происходит якобы в Праге. Нетрудно догадаться, что автор «Погребения» рассказывает о факте, имевшем место при дворе Екатерины II, о «похоронах» Жужутки, собачки императрицы.

Однако книжечка А. Вицмана интересна с другой стороны. Автора возмущает социальная несправедливость, царящая в обществе, и погребение собачки дает ему повод высказать свое негодование. «Непрестанно почти случается, что люди жертвуют иждивением, расточают деньги для несмысленного животного; если же дело дойдет помочь бедной несчастной фамилии, то пожалеют всякой малости». Эти рассуждения позволяют автору незаметно перейти к вопросу о положении крепостных. Говоря об отношении к ним господ, автор «Погребения собачки» восклицает: «Мы — звери, но какие звери? Звери одного рода не мучают один другого таким образом. Итак, мы хуже зверей, ибо с равными себе хуже зверей поступаем. Вить все люди потомки Адамовы и все братья одной плоти и одного закона. Итак должны ли они с животными несмысленными поступать с такою ревностью и усердием, а о собратях своих не радеть? Или знатные вельможи удалены от всякого закона? Закон божий предписывает: люби ближнего, как самого себя. Закон естественный научает нас поступать с другими так, как желаем мы, чтобы поступали с нами, если б мы в подобном случае находились».

¹ П. Н. Столпянским не учтены данные А. Н. Неустроева о Вицмане в «Историческом разыскании о русских повременных изданиях». СПб., 1875, стр. 255—260.

² «О рабочих людях, деревенских мужиках и о ремесленниках». «Санкт-Петербургское еженедельное сочинение», 1778, 12 июля, лист 11, стр. 166—169; «О тех людях, которые много работают». Там же, л. 12, стр. 177—180; «О неистовстве холопей, тако ж вольных служителей и работников. К господам. К рабам». Там же, лл. 21—23 и т. д.

Далее автор «Погребения собачки» резко критикует богатых и знатных людей за их эгоизм и пренебрежительное отношение к простым смертным: «Почто не чувствуют равномерно и зол ближнего столько, чтоб ощущать в себе побуждение помочь ему? Для чего предпочитают они ближнему животное несмысленное?» «Для того,—продолжает А. Вицман,— что они думают, что закон божий предан только для простого народа и что богатства освобождают даже от священнейшего долга; для того, что закон природы ограничивается у богатых единственно только их особою и вещьми, им принадлежащими, так что оный превращается в совершенное самолюбие; для того, что законы человеколюбия самолюбием их подавляется; следовательно, других людей почитают они тварями особливового рода и взирают на них как на животных подъяремных».

Автор считает безнадежным делом попытаться воздействовать на вельмож и богатых людей словом: «Люди сии, не внемлющие гласу евангельскому, конечно, еще менее того могут быть убеждены словом честного человека, любящего истину. Оставим их в их слепоте. Кто отважится сказать им правду, тот навлечет только вражду их, а не произведет никакой пользы».¹

Имел ли автор в последних словах в виду А. Н. Радищева, судьба которого ему безусловно была известна, или кого-либо иного, — вопрос оставим открытым; но нет сомнения, что А. Вицман был, говоря его же словами, «честный человек, любящий истину».

Насколько уважал его Радищев, видно хотя бы из того факта, что по возвращении из ссылки и после переезда в Петербург дети Радищева до определения их в казенные учебные заведения были помещены в пансион Августа Вицмана. Вспоминая об этом, П. А. Радищев называет Вицмана «добрым и честным немцем, старинным знакомым» своего отца.²

То обстоятельство, что к делу Радищева иностранец Вицман не был привлечен, привело к тому, что экземпляр «Путешествия» не был у него отобран и не был им возвращен. В связи с этим возникает вопрос, не он ли, Вицман, был тем лицом, которое способствовало проникновению сведений о книге Радищева в немецкую прессу?

Попробуем разобраться в материалах, существующих по вопросу о переводе «Путешествия» на немецкий язык в 1790-е годы.

¹ П. Н. Столпянский, ук. соч., стр. 284—288.

² П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1, стр. 431.

В показаниях книгопродавца Г. К. Зотова 13 июля 1790 г. было сообщено со слов «сочинителя Николая Петрова» (Н. П. Осипова), что книгу Радищева «где-то в чужих землях печатают на немецком языке, а где именно, того [сочинитель] не сказал».¹ Писатель и переводчик Н. П. Осипов 17 июля 1790 г. показал, что П. И. Богданович, работавший в это время в Академии Наук, сообщил ему о том, что «слышал он, будто та книга в Лейпциге на немецком языке, — не помню, — печатается или переводится».²

Богдановича по этому поводу и вообще не допрашивали, и откуда были у него сведения о печатании или переводе «Путешествия» в Лейпциге, остается неизвестным. Может быть, эти сведения шли от самого Радищева, с которым П. И. Богданович мог быть знаком: Богданович был работником издательского отдела Академии Наук, состоял под начальством кн. Е. Р. Дашковой, имел непосредственные связи с О. П. Козодавлевым; таким образом, факт знакомства его с Радищевым вполне вероятен.

Могло ли все это иметь отношение к Вицману, сказать трудно. То, что Радищев, согласно показаниям И. Вальца, послал А. М. Кутузову два экземпляра «Путешествия», наводит на мысль, что один мог быть предназначен для переводчика. Впрочем, Радищев показал, что «печатать... оную книгу нигде в чужих краях намерения не имел, а к Кутузову, как выше сего сказал, для прочтения послал».³ Но так ли это, вопрос другой.

Но если даже допустить вероятность, что перевод «Путешествия» на немецкий язык в первые недели по выходе книги в свет и не состоялся, это не устраняет факта, что в 1794 г. или 1795 г. в журнале или альманахе «Das Orakel zu Endor» были напечатаны многие отрывки из книги Радищева».⁴

До сих пор это указание Гельбига не проверено. Но если оно правильно, то не исключена возможность, что материалы эти были доставлены А. Вицманом. В немецкой прессе того времени есть его печатные выступления; так, ему, повидимому, принадлежит статья в альтонском журнале «Deutsches Magazin» (1793, August, Ss. 1008—1018), озаглавленная «Eine kurze Uebersicht der Literatur in Russland» («Краткий обзор литературы в России»); автором этой статьи в оглавлении журнала (в тексте она без подписи) указан Herr W^{***}.

¹ Соч. А. Н. Радищева. изд. Акинфиева, т. II, стр. 331.

² Там же, стр. 333.

³ Там же, стр. 334.

⁴ Гельбиг. Русские избранники. «Русская старина», 1887, октябрь, стр. 28. — «Das Orakel zu Endor» («Аэндорская волшебница») издавался в Лейпциге в 1794 и 1795 гг.; вышло две части в типографии Лео.

В статье идет речь о просвещении России, об Академии Наук и других ученых и учебных заведениях, библиотеках и т. п.

У нас нет никаких прямых доказательств того, что переводы из «Путешествия» Радищева в «Das Orakel zu Endog» принадлежат А. Вицману, но все то, что известно о нем, позволяет поставить вопрос, не мог ли быть переводчиком именно он. Будущим исследователям вопроса о немецком переводе Радищева следовало бы остановиться и на возможности кандидатуры Вицмана.

Последнее лицо, которому Радищев послал недешедший экземпляр своей книги, был А. М. Кутузов (род. около 1750—ум. после января 1797). С Кутузовым Радищева связывала длительная и тесная дружба. Они познакомились еще в 1762 г. в Пажеском корпусе, в который поступили почти в одно и то же время, затем учились в Лейпциге и втроем (третьим был А. К. Рубановский) возвратились в октябре 1771 г. в Петербург. Все трое поступили на службу в Сенат в качестве протоколистов с чином титулярного советника; все трое — и первым из них, как пишет Н. А. Радищев, Кутузов, — вскоре же покинули службу в сенате; все трое посещали в 1772—1773 г. масонскую ложу «Урания». Радищев жил до женитьбы в одной комнате с Кутузовым. Ему же Радищев посвящал «Житие Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву».

Прослужив некоторое время на военной службе и сблизившись с московскими розенкрейцерами, А. М. Кутузов в 1787 г. был отправлен ими в Берлин для связи между немецкими и московскими масонами. Здесь Кутузов в августе 1790 г. узнал из письма кн. Н. Н. Трубецкого о постигшей А. Н. Радищева катастрофе. Из устных сообщений «посторонних людей» Кутузову стало известно, что судьба его друга сделала и его «подозрительным, якобы участвовавшего в сочинении оныя». Сведения, полученные Кутузовым, очень обеспокоили его. «Сие простирается даже так далеко, — пишет он 1 ноября 1790 г. Н. Н. Трубецкому, — что в Москве справлялись от полиции, скоро ли я возвращусь и не возвратился ли уже. Но вы ничего мне о том не пишете. Сие некоторым образом непростительно. Легко бы статья могло, что я, не зная сих обстоятельств, приехал прямо в руки ищущих меня. Хотя совесть моя чиста, хотя собственные мои письма к несчастному моему другу, ежели токмо суть они в руках правления, суть неложные мои оправдатели, но при всем том неблагоприятно со стороны моей подвергаться опасности, ежели я могу избежать оныя». Продолжение этого письма и последующие письма тоже являются «неложными свидетелями» тревоги и опасений Кутузова. В декабре 1790 г. он в ответном письме

к. Е. И. Голенищевой-Кутузовой, объясняя причину своего долгого молчания, подробно излагает историю и характеристику своих отношений к Радищеву. 6 декабря 1791 г. А. Н. Радищев написал Кутузову письмо, повидимому, из Иркутска, полное любви и нежности. Кутузов в марте 1792 г. ответил Радищеву большим, взволнованным письмом.

На этом данные об отношениях Радищева и Кутузова обрываются.¹

Рассмотренные нами материалы о лицах, которым Радищев дал экземпляры своей книги, показывают, что, кроме А. Вицмана, более или менее близкого Радищеву человека, остальные, не исключая и К. И. Дарагана, были людьми, с которыми Радищев не был связан идейно.

Отсюда можно сделать вывод, что, называя их, Радищев хотел в какой-то мере удовлетворить требование следователя, чтобы тем самым отвлечь внимание от экземпляров, которые он роздал своим единомышленникам. В этих же целях, повидимому, Радищев, когда начались уже осложнения с «Путешествием», писал книгопродавцу Шнору, что 50 экземпляров книги, которые попали в публику, были у него украдены.²

2. А. Н. Радищев и семейство Рубановских

А. Н. Радищев, как известно, был женат на Анне Васильевне Рубановской, затем на ее сестре Елизавете Васильевне; с дядей их, Андреем Кирилловичем Рубановским, Радищев учился сперва в Пажеском корпусе, а затем в Лейпциге в университете; в дальнейшем он был связан с Андреем Рубановским и сводным братом последнего А. А. Ушаковым узлами дружбы. Казалось бы, уже одно это обстоятельство должно было направить внимание биографов Радищева на выяснение вопроса, что представляло собой семейство Рубановских, с которым сплетена судьба великого русского революционера. К сожалению, никаких попыток в этом направлении до сих пор сделано не было, хотя давно уже существуют в печати достаточные материалы для предварительного хотя бы ответа на поставленный вопрос.

¹ Об А. М. Кутузове см.: Ив. Дав[идович]. Русский биографический словарь («Кнаппе—Кюхельбекер»). СПб., 1903, стр. 625—626, — Е. И. Тарасов, К истории масонства в России. Забытый розенкрейцер А. М. Кутузов. «С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911, стр. 202—234; он же, К истории русского общества второй половины XVIII столетия. СПб., 1914. — Я. Л. Барсков, Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792. Пгр., 1915. — А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1935, т. II. — Н. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русская старина», 1872, кн. XI, стр. 575.

² М. И. Сухомятинов. Исследования и статьи, т. I, стр. 586.

I

Родоначальником петербургской ветви интересующего нас семейства был украинский певчий Кирилл Степанович, получивший фамильное прозвание, согласно обычаю того времени, по месту своего рождения, хутору Рубановка Глуховского повета (уезда). Отец его Степан Герасимович был казаком Нежинского полка и умер в начале XVIII в. Родился Кирилл Рубановский в 1699 г. и с пятнадцатилетнего возраста до самой смерти служил в придворном хоре, сначала «дышкантистом», затем в зрелые годы «спезальной музыки тенористой». «За долговременную и верную службу в певчих» в 1743 г. он был возведен с потомством в дворянское достоинство. В 1748 г. он был пожалован рангом полковничьим. Не позднее 1753 г. К. С. Рубановский приобрел дом в Луговой Миллионной ул. (ныне ул. Халтурина), неподалеку от Зимнего дворца; это был каменный двухэтажный дом, числившийся в более позднее время (1785—1789) под № 37.

Из детей К. С. Рубановского нам известны только три сына: Василий, Матвей и Андрей. Детям своим К. С. Рубановский дал хорошее по тому времени образование: старший учился в Сухопутном Шляхетном корпусе, двух младших в 1757 г. обучал гувернер-немец.

Умер К. С. Рубановский в 1768 г.¹

II

Василий Кириллович Рубановский родился в 1731 г. С 1744 г. он учился в Сухопутном Шляхетном корпусе, который окончил в 1752 г.; здесь он был «обучен двум чужестранным языкам и инженерству». В 1750 г., еще будучи в корпусе, в чине капрала, он принимал участие в первом представлении комедии Сумарокова «Чудовищ», вместе с кадетами Бекетовым, Свиштуновым, Мелиссино и др.

¹ О К. С. Рубановском см.: ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 1, д. № 278, лл. 479, 496—496 об., 534., 537.—А. Богданов и В. Рубан. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779, стр. 430.—Петербургский некрополь. СПб., 1912, т. III, стр. 627.—Санкт-Петербургские ведомости, 1748, 31 мая, № 45, стр. 358—359; 1753, № 57, стр. 464; 1755, 6 октября, № 80; 1756, № 10 и др.—Дневник генерального хорунжего Николая Ханенка. Киев, 1884, стр. 371.—Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Шукшина. М., 1900, кн. VII, стр. 370—371.—А. Бобринский, гр. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Российской империи. СПб., 1890, ч. II, стр. 500—501.—И. Баранов. Опись указам, хранящимся в Сенате. СПб., 1878, ч. III, стр. 120, 206, 495.—Общий гербовник Российской империи. СПб., 1803, т. I, стр. 104.—А. И. Ульяновский. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 17.

То обстоятельство, что он играл роль ябедника Хабзея, персонажа достаточно важного по ходу пьесы, заставляет предположить, что В. К. Рубановский выступал не в первый раз и, повидимому, вообще состоял в той кадетской любительской труппе, которая давала спектакли на придворном театре в 1750—1751 гг. В 1752 г. он был из унтер-офицеров Шляхетного корпуса пожалован «армейских полков поручиком» и назначен на должность переводчика при штабе генерал-аншефа графа Петра Шувалова. С 1758 по 1763 г. В. К. Рубановский служил камер-фурьером. Затем он с 1764 по 1775 г. был членом главной дворцовой канцелярии (придворной конторы) и служил вместе с Д. И. Фонвизиным и В. И. Лукиным под начальством И. П. Елагина. Связанный с группой Шуваловых, игравшей руководящую роль при дворе Елизаветы, он сумел поддерживать хорошие отношения и с находившейся в опале в конце 1750-х годов вел. кн. Екатериной Алексеевной, будущей Екатериной II: в «Камер-фурьерском журнале» 1759 г. В. К. Рубановский отметил, что 16 сентября Екатерина «изволила воспринимать младенца у камер-фурьера Рубановского»; крестницей Екатерины была младшая дочь Рубановского, Дарья. Этот шаг Екатерины объясняется ее поисками в эти годы популярности в кругах мелкого дворянства.

В. К. Рубановский был женат дважды. От первой жены у него были три дочери: Анна, Елизавета и Дарья. Вторично В. К. Рубановский женился в 1764 г. на вдове А. П. Ушаковой. В доме Рубановского как близкие знакомые бывали Д. И. Фонвизин, С. А. Порошин. В 1761 г. В. К. Рубановский подал доношение о неблагоприятных поступках бывшего саксонского генерал-майора, принятого в русскую службу обер-церемониймейстером, барона П. П. Лефорта, который затеял какую-то государственную лотерею. Дело это при Елизавете и в особенности при Петре III тянулось без решения. Кажется, оно было прекращено Екатериной II в 1764 г.

Повидимому, отношение Екатерины к Рубановскому после вступления ее на престол изменилось к худшему: произведенный в 1764 г. в статские советники, он до самой смерти оставался в том же чине без дальнейшего производства. В 1774 г. Рубановский, в нарушение обычаев, обратился с жалобой по этому поводу к наследнику престола, Павлу Петровичу. Документ этот попал в руки Екатерины, и она собственноручно, что делала довольно редко, предписала кабинет-министру И. П. Елагину вызвать Рубановского и сделать ему «именем моим крепкий за сие выговор».

Вероятно, причиной гнева Екатерины было то, что она предполагала в Рубановском одного из сторонников Павла: круг лиц, которые бывали у В. К. Рубановского, и самый

факт подачи прошения именно Павлу подтверждают небезосновательность подозрений Екатерины.

Высочайший «крепкий» выговор повлиял на здоровье Рубановского, и вскоре после этого, в 1775 г., он умер в Москве, где находился в это время двор Екатерины, в течение всего года праздновавшей победу над Пугачевым. Незадолго до смерти В. К. Рубановского в Москве же состоялось бракосочетание А. Н. Радищева со старшей дочерью Рубановского— Анной Васильевной.¹

О Матвее Кирилловиче Рубановском мы знаем очень мало. Родился он в декабре 1742 г. В 1757 г. он был записан в службу и, повидимому, учился в Сухопутном Шляхетном корпусе, был капитаном лейб-гвардии Измайловского полка (1775), затем бригадиром. По выходе в отставку был в Оранненбаумском уездном суде судьей (1793). У него были дочь Екатерина и сын Дмитрий. Кажется, потомство его вымерло.²

¹ О В. К. Рубановском см.: ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 1, д. № 278, л. 496 об.—А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений. М., 1781, т. V, стр. 278.—Л. В. Евдокимов. Журналы дежурных генерал-адъютантов. СПб., 1898, вып. II, стр. 274.—Камер-фурьерские журналы за 1758—1763 гг. см. Алфавитный указатель к камер-фурьерским и проч. журналам. СПб., 1910, стр. 255—256.—Адрес-календарь российский на л. 1765, стр. 67.—Д. И. Фонвизин, Сочинения. СПб., 1866, стр. 369.—С. А. Порошин. Записки. СПб., 1844, стр. 144 (Запись 20 и 21 ноября 1764 г.).—П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1, стр. 403.—Н. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русская старина», 1872, кн. XI, стр. 576.—В. П. Семенович. Радищев. М.—Л., 1923, стр. 219, 221, 449.—Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на л. 1769 и след.—П. Баранов. Опись указов, хранящихся в Сенате. СПб., 1878, ч. III, стр. 468, 484 и др.—С. М. Соловьев. История России, кн. V, стр. 1225.—Сборник Русского исторического Общества, т. 62, стр. 376 и 814.—Картотека Б. Л. Модзалевского в ИГЛИ АН СССР (ссылка на архив Конференции Академии Наук, 1778, где упоминается помещица старицкого уезда Акилина Павловна Рубановская и сын ее генерал-адъютант Александр Ушаков).—А. И. Ульяновский. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 17, 19.—Сборник Русского исторического общества, т. XIII, стр. 417—418.—П. Г. Любомиров. Автобиографическая повесть А. Н. Радищева.—Звенья, 1934, т. III—IV, стр. 13—14.

² О М. К. Рубановском см.: ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 1, д. № 278, л. 496 об.—Алфавитный указатель к камер-фурьерским и проч. журналам. СПб., 1910, стр. 256.—Н. П. Черепнин. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. Пгр., 1915, т. III, стр. 482 (Здесь, как и в некоторых других документах, отчество Матвея Рубановского указано не Кириллович, а Корнильевич).—Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1775, стр. 23.—Список находящимся в гражданской службе чинам на 1793 г., стр. 33.

IV

Андрей Кириллович Рубановский, третий сын Кирилла Степановича, родился в 1748 г. После домашней подготовки он поступил 3 июля 1762 г. в Пажеский корпус, куда 3½ месяца спустя (25 ноября) был принят и А. Н. Радищев. В качестве пажа четырнадцатилетний Андрей Рубановский участвует в коронации Екатерины II. В 1766 г. его совместно с А. Н. Радищевым и другими пажами отправляют в Лейпциг для обучения в университете.

Сын А. Н. Радищева П. А. относительно Андрея Рубановского писал в воспоминаниях об отце следующее «Наконец, к числу друзей Радищева принадлежал Матвей Кириллович¹ Рубановский (на племяннице которого женился впоследствии Радищев), необыкновенно прилежный, посвящавший каждый день четырнадцать часов на учение, но от того ни мало не успевавший в науках. Его товарищи, узнав, что одна молодая девушка была в интересном положении, имея связь с Рубановским, шутя удивлялись, как он мог улучить время для любовной интриги».

Надо полагать, что эти сведения П. А. Радищева основаны на рассказах отца. Но характеристика А. К. Рубановского как малоспособного и только усидчивого человека противоречит тому, что сообщают о нем другие источники: возвратившись с А. Н. Радищевым в конце ноября 1771 г. в Петербург, А. К. Рубановский сближается с Н. И. Новиковым и, единственный из учившихся в Лейпциге пажей, попадает в «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова, вышедший в свет в 1772 г. Отзыв о Рубановском в новиковском «Словаре» несомненно построен на сведениях, сообщенных самим Рубановским. Вот что читаем мы у Новикова:

«Рубановский Андрей, титулярный советник, сочинил на немецком языке рассуждения: 1) о свойствах нейтралитета; 2) о размножении народа; также перевел с французского на немецкий язык из сочинений г. Волтера Рассуждение о человеке; Поему на разрушение Лиссабона, и оду славного Томаса О должностях общежития, из коих некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года».

Очень показательны темы оригинальных произведений

¹ Так в тексте, опубликованном в «Русском вестнике», (1858, декабрь, кн. 1, стр. 401).—В книге В. П. Семенникова воспроизведен подлинник статьи П. А. Радищева; здесь нет имени-отчества Рубановского; только—фамилия. Полагаю, что слова «Матвей Кириллович» вставлены были редакцией «Русского вестника» или А. Корсуновым, сообщившим эту статью в журнал, а основанием для этого послужила неверная догадка М. Н. Лонгинова (см. его заметку об А. Н. Радищеве в «Библиографических записках», 1859, № 17, столб. 540).

А. К. Рубановского: это проблемы международного права, с одной стороны, и демографии и политической экономии, с другой. Последняя тема особенно интересна, так как она по заглавию напоминает известное письмо М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении российского народа», которое в рукописи было распространено в XVIII в.

Не менее интересен выбор переводных произведений А. К. Рубановского. Здесь и знаменитая поэма Вольтера «О разрушении Лиссабона», вызвавшая бурю гнева в рядах церковников, и не менее раздражавшая обскурантов поэма «Рассуждение о человеке», в которой сформулированы многие из наиболее прогрессивных воззрений Вольтера, наконец, пользовавшаяся большими симпатиями передовых людей XVIII в. «Ода о должностях общежития» Антуана Тома.

Таким образом, по внешним данным литературная деятельность А. К. Рубановского свидетельствует о том, что он интересовался темами общественными и придерживался, очевидно, передовых для той эпохи взглядов.

Весьма возможно, что еще в Лейпциге или вскоре по возвращении в Петербург А. К. Рубановский стал масоном. М. Н. Лонгинов в известном исследовании о Н. И. Новикове сообщает имеющие значение для биографии А. К. Рубановского факты. «Ложь [масонские] посещались не только членами, — пишет М. Н. Лонгинов, — но и посторонними масонами. Так, в собраниях «Урании», число членов которой простиралось в 1774 г. до 55, бывали посетителями, кроме названных нами чиновников великой провинциальной ложи [И. П. Елагин, гр. М. Л. Воронцов, ген.-майор С. В. Перфильев, друг Державина, В. И. Лукин и др.]: Дмитрий Васильевич Волков, бывший любимец Петра III; знаменитый Александр Ильич Библиков; Василий Ильич Библиков, брат его, директор театров; князь Александр Иванович Мещерский, которого смерть воспета Державиным; Радищев, известный своим «Путешествием из Петербурга в Москву»; товарищи его по учению в Лейпциге, Андрей Кириллович Рубановский, на племяннице которого Анне Васильевне он потом женился, и Челищев; писатели: Майков, Попов, Козельский; актеры Троепольский, Дмитревский; сын Медяковского, Лев Васильевич, секретарь герольдмейстерской конторы; лица, носившие известные фамилии: князь Волконский, двое Рахмановых, Сиверс, Безобразов, Давыдов, Вердеревский, Гурьев, Сабуров, Поливанов, Сафонов и множество других».

Из этой справки явствует, что Радищев, Рубановский, Челищев попали в самое избранное общество, в котором преобладали видные общественные деятели, писатели, актеры. Это значит, что недавние студенты, — двадцатичетырехлетние

титулярные советники Рубановский и Радищев, — по своему умственному уровню подходили к этому кругу.

Следует отметить, что ложа «Уrania» не была склонна к мистическим умствованиям других масонских групп; она, как указывают исследователи, «давала у себя приют многим поклонникам рационалистической философии».

Чем же объяснить, что Рубановский, так интенсивно работавший в Лейпциге, писавший там оригинальные произведения и переводивший на немецкий язык Вольтера и Тома, что-то печатавший в 1771 г., в дальнейшем совершенно не выступал в печати? Ответить трудно, так как источники молчат, а догадки не могут заменить прочных доказательств или материалов.

Можно высказать еще одно предположение. Весьма вероятно, что именно А. Рубановский был тот русский студент, который перевел, по сообщению Н. М. Карамзина, на немецкий язык анонимное «Известие о некоторых русских писателях», напечатанное в лейпцигском журнале «Новая библиотека изящных наук и свободных искусств» (1768): ни о ком другом из русских студентов этого времени, кроме А. К. Рубановского, нам не известно, чтобы он писал и переводил на немецкий язык.

То обстоятельство, что в «Словаре» Новикова А. К. Рубановский фигурировал как автор, писавший на немецком языке, повело к любопытному осмыслению его биографии в последующее время. Так, митрополит Евгений в «Словаре русских светских писателей», опираясь на данные Новикова, пишет так: «Рубановский Андрей, родом немец, титулярный советник, в службе российской; сочинил на немецком языке два рассуждения: 1) о свойствах нейтралитета; 2) о размножении народа. Оба напечатаны в Лейпциге в 1771 г.»

Те же сведения, но без библиографических подробностей повторены в предварительном списке «Русского биографического словаря» в «Сборнике Русского исторического общества», т. 62.

Так, в результате невнимательности и отсутствия интереса к культурному окружению А. Н. Радищева А. Рубановский был превращен в чужестранца.

Дальнейшие биографические сведения об А. К. Рубановском крайне скудны. В середине 1770-х годов он выходит в отставку из гражданской службы и поступает в военную. Причиной этого обстоятельства было то, на что указывал в статье о своем отце Н. А. Радищев: «По возвращении в отечество только трое молодых людей, назначенных быть юристами, поступили в сенат в звании протоколистов с чинами титулярных советников. . . Служба их в сенате была непродол-

жительна: незнание русского языка,¹ товарищество с приказными и обхождение высших чиновников, не отличавших их от прочих приказнослужителей, сделали им сей род служения противным».

А. К. Рубановский поступил на военную службу в Московский Карабинерный полк капитаном, затем, прослужив до середины 1780-х годов, вторично вышел в отставку в чине подполковника и, оставшись на жительство в Москве, поступил снова на гражданскую службу, имея чин надворного советника. В 1790—1791 г. он служит советником в счетном отделении Московской казенной палаты, имея орден Владимира 4 степени. В «Списках находящимся в гражданской службе чинам» начиная с 1792 г., а также в других официальных справочниках с того же года А. К. Рубановский исчезает; нет его и в списке кавалеров ордена Владимира. Это означает, что он умер либо в конце 1790 г., либо в 1791 г., до 1 декабря, когда сообщались в Академию Наук в редакцию «Месяцеслова с росписью чиновных особ в государстве» сведения о состоянии штатов учреждений.²

V

Старшая дочь В. К. Рубановского Анна Васильевна была первой женой А. Н. Радищева. Точная дата ее рождения неизвестна. Однако можно предположить, что она родилась не раньше 1753—1754 гг., так как в 1752 г. отец ее был еще только выпущен из Сухопутного Шляхетного корпуса, и не позднее 1757 г., так как вторая дочь В. К. Рубановского родилась в 1758 г. Сын ее, П. А. Радищев писал о браке своего отца следующее: «Рубановский, о котором говорилось выше [А. К.], ввел Радищева в дом своего брата, Василия Кирилловича, у которого было три дочери. Старшая, Анна, была уже взрослая девица. Две младшие воспитывались в институте».

¹ «Незнание русского языка», на которое указывает Н. А. Радищев, крайне сомнительно; возможно, речь идет о незнании молодыми людьми специфических особенностей канцелярского «языка».

² Об А. К. Рубановском см.: Милорадович, граф. Материалы для истории Пажеского е. и. в. корпуса 1711—1875. Киев, 1876, стр. 133.—Алфавитный указатель к камер-фурьерским и проч. журналам. СПб., 1910, стр. 255.—П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 95.—Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей. М., 1845, ч. II, стр. 151.—Сб. рник Русского исторического общества, т. 62, стр. 224.—Придворный месяцеслов на лето 1791. стр. 139.—П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1, стр. 401 и 403.—В. П. Семеновичев. Радищев. М.—П., 1923, стр. 218, 219, 221, 363.—Я. К. Грот. Труды. СПб., 1903, т. V, стр. 67, 76 и 107.—М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 97.—Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917, стр. 106.

Радищев влюбился в Анну, которая отвечала на его страсть, но мать¹ долго противилась их союзу, потому что отец Рубановский, служа в придворной конторе, хорошо зарабатывал, и они надеялись на брак с кем-нибудь из близких ко двору. Наконец, видя, что их любовь далека от того, чтобы ослабнуть, и от препятствий усиливается еще более, родители Анны согласились на брак. Отправились в Москву, где и состоялась свадьба. Рубановский там умер».

Несколько дополняет сведения П. А. Радищева его брат, Н. А., второй сын А. Н. Радищева; по его словам, А. Н. Радищев «женится в 1775 г. В женитьбе своей он не искал богатства... Жена его, дочь члена придворной конторы, была небогата, но имела все то, что могло составить счастье хорошего человека. А. Н. женился в Москве; жена его лишилась отца незадолго до замужества, быв уже помолвлена, и А. Н. вместе с нею возвратился в Петербург, чтобы снова вступить в службу».

Кроме этих свидетельств сыновей А. В. Радищевой о их матери, некоторые скудные данные о ней можно почерпнуть из показаний А. Н. Радищева на следствии по его делу; конечно, к этим данным надо отнестись с должной осторожностью, учитывая обстановку, в которой показания давались, и цель, которую они преследовали: «Родясь с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращались всегда на нежные предметы, но все было с неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставил и наслаждался действительным блаженством, не занимаясь ничем более, как домашними делами».

В небольшом поэтическом наследии Радищева два стихотворения можно отнести как раз к тем «опытам письма», которые, по его словам, «обращались всегда на нежные предметы». Это «Песня» («Ужасный в сердце ад...») и «Сафические строфы» («Ночь была прохладная, светло в небе...»); может быть, следует сюда прибавить и «Идиллию» («Краснопеваля овсянка»), которая, повидимому, в более позднее время подверглась обработке (см. стихи 11—20).

О семейной жизни Радищева сведений сохранилось очень мало; П. А. Радищев писал: «Радищев имел от своей жены трех сыновей и одну дочь. По прошествии восьми лет Анна Васильевна скончалась. Ее супруг был долго неутешен».

А. В. Радищева, кроме оставшихся в живых четырех детей (Василий — р. 1776 г.; Николай — р. 1777 г., Екатерина — р. 1782 г., Павел — р. 1783 г.), родила двух, скончавшихся в младенчестве, девочек.

¹ Правильнее было бы сказать «мачеха», так как в 1764 г. В. К. Рубановский женился, как было уже указано, вторично (С. А. Порошин. Записки. Изд. 2-е, стр. 137).

Умерла А. В. Радищева 3 августа 1783 г., вскоре после рождения сына Павла. Смерть Радищевой, по воспоминаниям П. А. Радищева, «приключилась от испуга. Она уже начала оправляться после родов, как вдруг в одно утро ударили в трещетки, по причине случившегося пожара. В Петербурге было тогда такое обыкновение. Анна Васильевна была пуглива, нрава впечатлительного, хотя и веселого, но скоро переходила к грусти. Медики говорили, что молоко поднялось кверху, и она, еще слабая, не могла перенести этого кризиса».

А. В. Радищева была похоронена в Петербурге в Александро-Невской лавре (Лазаревское кладбище). Радищев хотел на ее надгробном памятнике вырезать составленную им эпитафию в стихах, но, по словам П. А. Радищева, «этого не дозволили, вследствие некоторого сомнения, выраженного в эпитафии, о бессмертии души». Стихотворение это было выгравировано на памятнике, который, как сообщает тот же П. А. Радищев, отец его поставил «в лабиринте на конце сада», принадлежавшего к дому Радищева. Сохранился портрет А. В. Радищевой, рисованный неизвестным русским художником, как предполагают, крепостным А. Н. Радищева, Михайлой.¹

VI

А. Н. Радищев в своем «Завещании» писал детям: «Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами, вместо себя, сестру свою и друга, тетку вашу Елизавету Васильевну, которую, доколе живы будете, матерью именуите».

По воспоминаниям П. А. Радищева, Е. В. Рубановская с сестрой своей, Дарьей Васильевной, действительно воспитали детей А. Н. Радищева. Сам Радищев называет своих своячениц в «Завещании» «сотрудницами в вскармлении детей» своих.

Елизавета Васильевна Рубановская родилась не ранее 20 апреля 1758 г.² Повидимому, в 1763—1764 г. В. К. Руба-

¹ Об А. В. Радищевой см.: П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1, стр. 403.—Н. Кашиин. Новый список биографии А. Н. Радищева. М., 1912, стр. 7—8.—В. П. Семиников. Радищев. М.—П., 1923, стр. 196, 218, 219, 222, 230, 449.—Н. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русская старина», 1872, № 11, стр. 576.—Петербургский некроль. СПб., 1912, т. III, стр. 537.—Избранные сочинения А. Н. Радищева. Под ред. Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1949, стр. 289—294.—Полное собрание сочинений А. Н. Радищева. Изд. М. И. Акинфиева. СПб., 1907, т. II, стр. 337.—Александр Николаевич Радищев. 1749—1802. 200 лет со дня рождения. Саратов, 1949, стр. 14.

² К 20 июня 1764 г., сроку, к которому причислялся возраст принимавшихся в Смольный институт девочек, ей должно было быть не более шести лет и двух месяцев. См. Н. П. Черепнин. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Пгр., 1914, ч. 1, стр. 79.

новский овдовел и в связи с этим как камер-фурьер поместил своих малолетних дочерей Елизавету и Дарью в открывшийся в 1764 г. Смольный монастырь (институт), где обе девочки воспитывались до 1776 г., когда состоялся первый выпуск окончивших это учебное заведение.

Е. В. Рубановская училась очень хорошо и окончила курс с шифром (золотой медалью первой величины) третьей в списке. В институте она принимала участие в ученических спектаклях и в комедии Вольтера «Блудный сын» играла роль сутяжницы г-жи Крупиляк с таким успехом, что присутствовавшая на спектакле тщеславная Екатерина сочла даже нужным сообщить Вольтеру о молодых актрисах, в том числе и о «дивной г-же Крупиляк». Через некоторое время Екатерина писала одной из смолянок и упоминала вновь о Е. В. Рубановской, на этот раз с явным неодобрением: «г-жа Крупиляк очевидно бережет свою бумагу для процессов; почерк ее очень мелок и комплименты очень заучены».

По выходе из института Е. В. Рубановская как окончившая с отличием получала «пожизненное награждение». В Смольном она сблизилась с Г. И. Алымовой (1759—1826), позже вышедшей замуж за писателя А. А. Ржевского; Г. И. Ржевская поддерживала дружеские отношения с подругой и после катастрофы, постигшей Радищева, переписывалась с ней, отправляла посылки в Илимск и заботилась о сыновьях Радищева.

По окончании института Е. В. Рубановская с сестрой поселилась в доме, перешедшем к Радищеву (теперь ул. Марата, д. № 14); здесь в саду был деревянный флигель, в котором жила А. П. Рубановская с дочерьми. После смерти А. В. Радищевой заботы о воспитании четырех малолетних детей (старшему, Василию, было только семь лет, младший, Павел, остался грудным младенцем нескольких недель) перешли к сестрам Рубановским.

Е. В. Рубановская была человек энергичный, дельный. П. А. Радищев писал о ней в воспоминаниях об отце: «Она была нехороша лицом и ряба, но умная женщина».¹ Именно благодаря ее хлопотам и умелым задариваниям «кнутобойца» Шешковский не проявил на А. Н. Радищеве своих методов допроса, наводивших ужас на всю тогдашнюю Россию. Е. В. Рубановская ежедневно посылала с верным слугой «гостинцы для грозного Шешковского, за которые она получала всегда ответ успокоительный» (П. А. Радищев). В другом месте П. А. Радищев подробнее говорит о материальных жертвах, принесенных Е. В. Рубановской во время ареста и ссылки Радищева. Она «продала свою дачу на Петровском

¹ В другом списке статьи П. А. Радищева сказано: «Елизавета Васильевна была нехороша, очень ряба, но умная женщина».

острове; сверх того за дом в Луговой Миллионной, доставшийся ей по наследству от своего отца с меньшею сестрою и проданный ими за 12 000 рублей, она взяла половину ей следующую и чрез то была в состоянии дарить Шешковскому, расплатиться с мелкими долгами и ехать за Александром Николаевичем в Сибирь».

Еще больше рисует эту прекрасную русскую женщину ее поездка вслед за Радищевым в Сибирь. «Однажды утром, — рассказывает П. А. Радищев, — полицейский чиновник, тот самый, который взял Радищева под арест, приходит объявить его семейству, что Радищев осужден на ссылку в Сибирь на десять лет (сентябрь 1790). Десять лет ссылки в Сибирь при Екатерине значило: на всю жизнь. Елисавета Васильевна залилась слезами. Полицейский чиновник, плакавший также, старался ее утешить, уверял ее, что Сибирь хорошая земля». Вероятно, тогда же приняла Е. В. Рубановская решение ехать с детьми к А. Н. Радищеву в Илимск.

Следует иметь в виду, что состояние ее здоровья было плохое. Ее сводный брат, А. А. Ушаков, получив в 1797 г. сообщение от А. Н. Радищева о его возвращении из Сибири и о смерти Е. В. Рубановской, вспоминал в ответном письме: «Не так смерть милой моей сестры мне была бы прискорбна, если б она не сопряжена была бы уже со днями свободы твоей и приближением жизни с нами, ибо я, прощаясь в последний раз, не представлял более прижимать ее к груди моей по слабости здоровья». О том же говорит и сам А. Н. Радищев: в дополнении к своему завещанию (27 июля 1790 г.) и упоминает «весьма чувствительное сердце Елизаветы Васильевны и худое ее здоровье».

Мужественная, болезненная женщина, за тридцать пять лет до жен декабристов, отправляется с двумя маленькими детьми вслед за сосланным Радищевым в Илимский острог, отстоящий на 500 верст от Иркутска к северу. Догнала Е. В. Рубановская Радищева 2 марта 1791 г. в Тобольске, где он находился в это время.

О роли Е. В. Рубановской в жизни Радищева в илимский период его ссылки П. А. Радищев писал: «Он много ей был обязан во время ссылки. Она его ободрила, ибо привезла ему детей, занималась аккуратно хозяйством, делая ему жизнь по возможности приятною, и он всегда говорил, что эта женщина с геройскою душой».¹

¹ В другом списке сказано: «Он был много обязан ей во время своей ссылки. Она его поддерживала и не давала ему упасть духом; привезла к нему детей; прилежно занималась хозяйством и делала его жизнь по возможности приятною. Зато он всегда говорил о ней, что это была женщина с геройским духом».

А. Н. Радищев, повидимому, питал к Е. В. Рубановской более глубокие чувства еще до ссылки. На эту мысль наводит тот факт, что в 1787 г. он покупает на имя своей старшей свояченицы «Фридрихсову дачу» на Петровском острове; затем, в упоминавшемся выше дополнении к завещанию, после того, как дает младшей свояченице, Дарье Васильевне, совет выйти замуж, «стараясь избрать себе в мужа человека благонаправленного, с которым она может жить счастливо», Радищев пишет: «Зная весьма чувствительное сердце Елизаветы Васильевны и худое ее здоровье, я такого же совета ей дать не могу. Время и обстоятельства и ее сердце могут ее наставить, итти ли ей уж или нет».

«Женщина с героической душой», Е. В. Рубановская решается еще на один поступок, очень, по тогдашним понятиям, смелый. Вопреки церковным законам, запрещавшим вдовцам жениться на сестрах умершей первой жены, Е. В. Рубановская становится второй женой А. Н. Радищева. Здесь следует отметить, что широко распространенное и основанное на воспоминаниях П. А. Радищева мнение о том, что А. Н. Радищев женился на Е. В., неверно. На это же в свое время указал В. П. Семенников: «Официально Радищев во второй брак не вступал». В самом деле, никакой священник не рискнул бы обвенчать их, так как за такое нарушение церковных правил ему грозило лишение сана. Таким образом, вступив в фактический брак с А. Н. Радищевым, Е. В. Рубановская показала свое отношение к общепринятым в то время воззрениям. В Илимске она родила трех детей: Анну (1792), Феклу (1795) и Афанасия (1796).

Воспоминания П. А. Радищева содержат еще один любопытный штрих из биографии Е. В. Рубановской. «В начале декабря 1796 г., — пишет П. А. Радищев, — пришло известие о смерти императрицы Екатерины. Елисавета Васильевна тотчас стала собираться ехать в Петербург, хотела броситься к ногам императора Павла Петровича и просить прощения Радищеву. Она в Смольном монастыре была отлично воспитанницею, получила вензель и была известна Павлу I, бывшему тогда великим князем. Она играла, не один раз, в присутствии двора в комедиях (Екатерина не любила трагедий, особливо «Семирамиду» [Вольтера], которую во все ее царствование не представляли), которые заставляли монастырок играть. Особливо она смешила государыню в роли г-жи Крупильяк в «Блудном сыне» Вольтера. Итак Елисавета Васильевна готовилась ехать в Петербург, как вдруг 18 декабря 1796 г.¹ Радищеву уведомили из Петербурга, что его ссылка кончилась».

¹ В. П. Семенников по вполне убедительным соображениям оспаривает эту дату («Радищев», стр. 231).

Это намерение немолодой уже женщины (Е. В. Рубановской было в это время около 39 лет), ехать одной в Петербург характеризует ее героизм не в меньшей мере, чем другие ее поступки.

Очень любознательно одно обстоятельство. Выше было упомянуто, что Екатерина в бытность еще великой княгиней крестила у В. К. Рубановского дочь Дарью; следовательно, она довольно близко знала семейство Рубановских. О сценических успехах Е. В. Рубановской в институте и отношении к ним Екатерины тоже было выше сказано. Чем же объяснить, что Е. В. и Д. В. Рубановские не обратились с просьбой о помиловании Радищева сразу же к Екатерине? Несомненно тем, что уже в Смольном монастыре Екатерина чувствовала сдержанное к себе отношение Е. В. Рубановской и отмечала это в письме к Левшиной, говоря о г-же Крупильяк — Рубановской, что «ее комплименты очень заучены».

20 февраля 1797 г. А. Н. Радищев со всей своей семьей выехал из Илимска. «Морозы были более 30 градусов. Дорогою Елисавета Васильевна простудилась и занемогла, — пишет П. А. Радищев. — Остановились в Таре, в 575 верстах от Тобольска, но как болезнь усиливалась, Радищев спешил доехать до этого последнего города до открытия весны, ибо в Тобольске более способов лечить больного. Но все усилия врачевания были бесплодны. Елисавета Васильевна скончалась вскоре после своего приезда, оставя Радищева в другой раз вдовцом. Он был огорчен, но менее, чем после смерти первой супруги».¹ С последним замечанием П. А. Радищева едва ли можно согласиться: этому противоречит приводимая ниже запись из «Дневника Путешествия из Сибири», сделанная А. Н. Радищевым в Тобольске после 1 апреля. Нам придется еще коснуться вопроса о причинах такого отзыва П. А. Радищева.

В этом «Дневнике путешествия из Сибири» находится несколько подробностей, дополняющих сведения П. А. Радищева. 10 марта 1797 г. и позднее А. Н. Радищев записывает: «Село Покровское стоит на реке Иче. Ночевали, барыня занемогла... Простояв в 11-е число по причине болезни Е. В. 12-е, выпив чаю, поехали до Тур...вой или Турунги 17 верст... Е. В. не выходила из возка...» 14 марта в Таре, где путешественники задержались около двух недель, Радищев обратился к штаб-лекару Козловскому. В Таре же А. Н. Радищев коротко отмечает: «18-го лекарю отказ... 21 исповедывалась.

¹ В другом списке биографий А. Н. Радищева П. А. Радищев писал так: «Он оплакивал ее, но не был в таком отчаянии, как после смерти своей первой жены. Он только сказал одному знакомому, старавшемуся его утешить: «Вот другой раз мне такой удар!».

Купил ленту, не надела... Причастье принесли из церкви. Соборование маслом. Все довольны, один поп казался недоволен». Повидимому, Е. В. стало несколько легче, и Радищевы 27 марта выехали из Тары. Дальше в «Дневнике» находим следующие записи: «В Тобольск приехали на рассвете 1-го апреля. Сыскали заготовленную квартиру. О! коликo первое мое в Тобольске пребывание было приятнее. В горести свидеться с теми, кого всех больше на свете любишь, или расстаться с ним навеки... Сей город навеки будет иметь для меня притяжительность... 7-е. Смерть. 9 погребение, детей не видел... Из Тобольска выехали 22 апреля в 11 часов ночью».

«Незаконное», по тогдашним понятиям, сожитие А. Н. Радищева с Е. В. Рубановской вызвало со стороны родственников Радищева резкое отношение. По воспоминаниям П. А. Радищева, дед его, Николай Афанасьевич, говорил: «Или ты татарин, что женился на свояченице? Женись ты там на крестьянской девке, я бы ее принял, как дочь». «Все семейство, — продолжает П. А. Радищев, — кроме Феклы Степановны [матери А. Н. Радищева], пристало к мнению старика». Он хотел даже по смерти А. Н. Радищева ехать в Петербург к Александру I просить о снятии с детей Елизаветы Васильевны фамилии Радищевых.

П. А. Радищев, при всем желании быть справедливым и воздать должное Е. В. Рубановской-Радищевой, приведя этот материал, без каких-либо осуждений деда и его семьи, невольно выдает свое подлинное отношение к тетке-мачехе, которую он очевидно тоже считал «незаконной» женой А. Н. Радищева; отсюда проистекает и «объективный» рассказ П. А. Радищева об отношении его деда Н. А. Радищева к поступку отца и неоднократно подчеркиваемое сообщение о том, что Е. В. Рубановскую-Радищеву А. Н. Радищев любил меньше своей первой жецы и перенес утрату легче. Помнить, как отец переживал смерть А. В. Радищевой, П. А. Радищев, конечно, не мог: ему было тогда несколько недель. Внешнее же спокойствие А. Н. Радищева во время болезни и смерти Елизаветы Васильевны, если оно действительно было, можно объяснить пребыванием в пути, заботами о детях и т. д.

Е. В. Рубановская несомненно была замечательной женщиной. В одном из списков своей статьи об отце П. А. Радищев писал о Елизавете Васильевне: «...Она была супруга покорная, с каким-то самоотвержением и верою в его превосходство внимала его воле и малейшему его слову, да и он старался предупредить ее желания и редко позволял себе делать ей небольшие замечания или возражения. Это был союз, основанный на взаимном уважении и доверенности к чувствам и характеру один другого: одним словом, она в заточении его

делала ему жизнь по возможности приятною», — повторяет П. А. Радищев и приводит фразу, уже знакомую нам по другим спискам статьи: «Зато он всегда говорил о ней, что это была женщина с геройским духом».

Упоминавшаяся выше подруга Елизаветы Васильевны, Г. И. Ржевская в своих «Памятных записках» так отзывалась о Рубановской: «Из других моих привязанностей в Смольном одна лишь дружба с г-жей Рубановской была серьезным чувством. С обеих сторон чувство доходило до совершенной преданности. По смерти ее я имела счастье оказать услуги ее семейству, детям, и тем исполнила священный долг, заплатив за ее дружбу, которая до того времени не требовала от меня ни малейшего пожертвования.

Искусное перо могло бы написать целую книгу о ее добродетелях, несчастиях и твердости духа, которая послужила бы к назиданию многих».

Книга о Е. В. Рубановской-Радищевой ждет еще свое «искусное перо».¹

VII

К семейству Рубановских принадлежали еще упоминавшиеся выше Дарья Васильевна Рубановская и ее сводный брат Александр Андреевич Ушаков.

О Д. В. Рубановской сведений сохранилось крайне мало. Родилась она в сентябре 1759 г., была крестницей Екатерины II, училась, вместе с Е. В. Рубановской, в Смольном институте; в списке кончивших она заняла одно из средних мест. О жизни ее после окончания института сохранилось совсем немного сведений, обычно связанных с материалами о Елизавете Васильевне. После ссылки А. Н. Радищева и отъезда Е. В. Рубановской в Илимск Дарья Васильевна вы-

¹ О Е. В. Рубановской-Радищевой см.: Санкт-Петербургские ведомости, 1776, 24 мая, № 42, прибавление. — Нина Р-ва. Хроника Смольного монастыря в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1864, стр. 22, 51, 52, 91, 105. — П. А. Радищев. А. Н. Радищев. «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 1. — Н. Чернин. Новый список биографии А. Н. Радищева, М., 1912, стр. 11, 17—18. — В. П. Семеновиков. Радищев (см. по указателю). — Н. П. Черепнин. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Пгр., 1914, т. I, стр. 133; 1915, т. III, стр. 70 и 47. — Г. И. Ржевская. Памятные записки. «Русский архив», 1871, кн. 1, стр. 13—14. Архив кн. Воронцова, т. V, стр. 280 и след., т. XII; стр. 426. — А. Н. Радищев. Избранные сочинения, под ред. Г. П. Макогоненко, стр. 695—697, 731, 734, 736 и др. — В. И. Ламанский. Письмо Александра Ушакова к А. Н. Радищеву (1797). «Чтения в Императорском Московском Обществе истории и древностей российских». 1865, кн. 3, отд. V, стр. 105—106. — А. И. Ульяновский. Радищев в Петербурге, Л., 1939. *passim*.

шла замуж; за кого — неизвестно; неизвестна и дата ее смерти.¹

VIII

Во второй раз В. К. Рубановский женился, как указывалось выше, на А. П. Ушаковой, вдове придворного келлермейстера Андрея Степановича Ушакова, умершего в 1751 г.

Вероятно, у В. К. Рубановского была еще падчерица, старшая дочь А. П. Рубановской-Ушаковой. Имя ее и даты рождения и смерти не известны. Она была замужем (1764) за поручиком Шепелевым. В 1765 г., по просьбе тестя последнего, В. К. Рубановского, вел. кн. Павел Петрович крестил новорожденного сына Шепелева. В начале 1766 г. Д. И. Фонвизин в письме к родным сообщал о намерении Шепелева, «женатого на Рубановской», развестись с нею.²

Из детей А. П. Рубановской-Ушаковой нам известен сын Александр, повидимому, ровесник А. Н. Радищева и А. К. Рубановского. Вероятно, он учился в Сухопутном кадетском корпусе. В службу он вступил в 1765 г.; в 1778 г. он был уже генерал-адъютантом. Затем перешел на гражданскую службу: в конце 1790-х годов он был псковским вице-губернатором, в 1802—1804 г. — губернатором в Олонецкой губ., в 1804—1812 г. — в Тверской. Дата его смерти неизвестна.

Сохранилось письмо А. А. Ушакова к А. Н. Радищеву от 2 сентября 1797 г. в ответ на первое письмо Радищева по возвращении из Сибири от 25 июля 1797 г. Письмо А. А. Ушакова исключительно теплое и нежное, он называет Радищева братом, скорбит о смерти Е. В. Рубановской.³

IX

Семья Рубановских, как видно из приведенных материалов, была одним из культурных служилых дворянских се-

¹ О Д. В. Рубановской см.: Н. П. Черепнин. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Пгр., 1915, т. III, стр. 473 (здесь неверно указана дата ее смерти — 1783 г.). — А. Н. Радищев. Избранные сочинения, под ред. Г. П. Макогоненко, стр. 695, 697. — А. И. Ульяновский. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 46.

² Об этой Рубановской-Ушаковой см.: С. А. Порошин. Записки. Изд. 2. СПб., 1881, стр. 454. — Д. И. Фонвизин. Сочинения. СПб., 1866, стр. 380.

³ Об А. А. Ушакове см.: Картотека Б. Л. Модзалевского в ИРЛИ АН СССР (Ленинград) под фамилией «Рубановская А. П.». — В. И. Ламанский. Письмо Александра Ушакова к А. Н. Радищеву «Чтения в Об-ве истории и древностей российских», 1865, кн. 3, отд. V, стр. 105—106. — Н. Туркистанов, кн. Губернаторские списки. 1797—1861. М., 1894, стр. 30, 43 и 70. — А. И. Ульяновский. Радищев в Петербурге. Л., 1939, стр. 24. — Сборник Русского исторического общества, т. 62, стр. 375, 376 и 814.

мейств Петербурга второй половины XVIII в. Сближение А. Н. Радищева с этим семейством не имело характера случайности. В. К. и А. К. Рубановские были людьми, которые внесли свой небольшой вклад в культуру — первый как актер, второй как писатель. Е. В. Рубановская заслуживает серьезного внимания как психологический тип и как женщина, отразившая лучшие черты русского национального характера: ум, стойкость, терпение. История семейства Рубановских позволяет лучше понять некоторые моменты в биографии великого русского писателя-революционера А. Н. Радищева, и это может служить оправданием настоящего разыскания и служило ободрением его автору при сборе по крупицам сведений о потомстве «спевальной музыки тенористы» Кириллы Степановича Рубановского.
